

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1981

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

А. А. Искендеров.	В. П. Волгин и задачи изучения истории социалистических идей	3	
В. Л. Мальков.	В. И. Ленин и Ю. Дебс	17	
В. А. Смирнова.	Критика Ф. Энгельсом взглядов П. Ж. Прудона и его борьба с прудонизмом в международном рабочем движении	30	
А. Э. Штекли.	Энгельс и издание «Истории социализма в отдельных очерках» (1895)	61	
Н. Г. Федоровский.	Парижская Коммуна и трансформация лассальянства	87	
В. В. Галкин.	Джон Фрэнсис Брей	106	
Н. А. Ерофеев.	Промышленная революция в Англии и идея классов	134	
К. М. Андерсон.	«Беседы» Роберта Саути	159	
Э. И. Валлич.	Представления Чарлза Холла о современном ему и совершенном обществе	178	
Т. А. Павлова.	Социальные воззрения Томаса Чебба	191	
В. В. Карева.	Н. Гедвиль и его роль в распространении утопическо-коммунистических представлений во Франции	206	
Л. Л. Альбина.	Вольтер — читатель Мабли	233	
Л. С. Чиколини.	Социальные мотивы в творчестве Джованни Баттисты Джелли	240	
В. Ф. Мордвинцев.	Рождение легенды о «добром дикаре»	256	
		публикации	
О. Б. Воробьева, Я. Г. Рокитянский.	Записи Вильгельма Вейтлинга о встрече с Марксом осенью 1849 г.	273	
Вильгельм Вейтлинг.	Воспоминания о пребывании в Лондоне, записаны 13 января (1850 г.)	280	
		Примечания	281

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Н. Гедвиль и его роль в распространении утопическо-коммунистических представлений во Франции

Начало XVIII в. во Франции отмечено бурным развитием общественно-политической мысли, оппозиционной идеологии абсолютизма. Во многих произведениях, чаще всего издававшихся за рубежом — в Голландии, Англии, Германии — и тайно ввозившихся во Францию, содержалась критика различных аспектов политики Людовика XIV. В памфлетах, исторических и философских трактатах рассматривались вопросы социальной справедливости. Постепенно оформлялось направление, пытавшееся противопоставить существующему общественному строю тип общества, свободного от разделения граждан на богатых и бедных, от непосильных тягот эксплуатации и подневольного труда, от частной собственности и неравенства, складывался французский утопический коммунизм, впервые заявивший о себе «Историей севарамбов» Дени Вераса¹.

Это было обусловлено социально-экономическим и политическим состоянием Франции конца XVII — начала XVIII в. Антиправительственная французская литература испытывала значительное влияние политических теорий английских мыслителей, вызванных к жизни революцией середины XVII в. и ее последствиями. Другим источником, который питал общественно-политическую, в частности социально-утопическую, мысль Франции начала XVIII в., была обширная литература о путешествиях, появившаяся вслед за географическими открытиями и колонизацией новых территорий, прежде всего Канады.

Книжный рынок постоянно пополнялся «описаниями», «реляциями», «историями» Новой Франции. Европейцев поражала простота и социальная «непорочность» жизни туземцев, слитность ее с природой, отсутствие у многих вновь открытых народов самого понятия частной собственности, удивляли их нравы и верования.

¹ *Vairasse D. Histoire des Sevarambes, peuples qui habitent une partie du troisième continent communément appelé la terre Australe. P. 1677, 1679. Т. 1, 2 (первая часть «Истории севарамбов» появилась в 1675 г. на английском языке). Рус. пер.: Верас Д. История севарамбов. М.; Л., 1937; М., 1956.*

Знакомство с примитивными обществами подсказывало оппозиционно настроенным писателям Франции, по каким линиям следует вести критику своего государства. Более того, это знакомство породило идею, столь же смелую, сколь и бесплодную, — оздоровить большой организм обществ Старого Света, вернув их в «естественное состояние». И мало кто из писавших о преимуществах общественных отношений канадских индейцев брал в расчет то обстоятельство, что колонизаторы насильственно внедряли на вновь осваиваемых территориях европейские порядки, тесня и истребляя коренное население. Как отмечает канадский историк С. Б. Райерсон, «феодальное держание земли, купеческий капитал, феодальная абсолютная монархия — все эти институты были перенесены в Северную Америку»².

Внимание к проблемам идеального общественного устройства обусловило и значительный интерес к социально-утопической традиции XVI—XVII вв., прежде всего к творчеству и личности Томаса Мора.

Во Франции XVIII в. знакомству с «Утопией» во многом способствовал переводчик и литератор Никола Гедвиль. Более того, можно с определенностью говорить, что вплоть до 80-х годов XVIII в. французы читали «Утопию» на родном языке именно в переводе Гедвиля, вышедшем в 1715—1730 гг. тремя изданиями и пользовавшемся необычайной популярностью³.

Впрочем, переводом «Утопии» не ограничивается роль Гедвиля в идейно-политической и культурной жизни Франции. Его деятельность заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее, тем более что многие ее страницы открывают новые аспекты в развитии социально-утопической мысли во Франции этого периода.

Биографические сведения о Гедвиле скудны. Некоторыми из них мы обязаны Пьеру Бейлю, оставившему весьма благожелательный отзыв о литературной и издательской деятельности своего более молодого и менее именитого современника. Известно, что Гедвиль родился в Руане около 1654 г., в семье врача. Одно время он был членом бенедиктинской конгрегации в Сен-Море. Около 1690 г. он вышел из конгрегации и эмигрировал в Голландию, где перешел в протестантизм. Возможно, его эмиграция была связана с религиозными гонениями во Франции, усилившимися после отмены Нантского эдикта в 1685 г.⁴ В Голландии Гедвиль сначала поселился в Роттердаме и на первых порах занялся преподаванием латинского языка. В Роттердаме он познакомился со многими деятелями французской протестантской эмиграции, в частности с Пьером Жюрье, литературным вождем протестан-

² *Райерсон С. Б. Основание Канады. М., 1963, с. 128.*

³ *Prévost A. L'Utopie de Thomas More. Paris, 1978, p. 260.*

⁴ По некоторым данным, число протестантских эмигрантов из Франции в Голландию составило в 1686 г. около 75 тыс. человек (Всеобщая история/Сост. под рук. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1899, т. 6, с. 477).

гов, и со знаменитым философом Пьером Бейлем, который в эти годы работал над «Историческим и критическим словарем». Гедвиль и Бейль поддерживали дружеские отношения до конца дней последнего (1706 г.)⁵.

В 1699 г. Гедвиль переселился в Гаагу, где жил до своей смерти (1721 г.). В Гааге Гедвиль занялся активной литературной деятельностью. Он стал инициатором ряда периодических изданий: «Дух [Новости] дворов Европы»⁶, «Великий исторический театр, или Новость всеобщей истории»⁷, «Исторический Атлас»⁸, в которых освещались актуальные политические, культурные и нравственные проблемы Франции, подвергалась острой критике политика Людовика XIV. Современникам Гедвиль был известен в качестве плодовитого переводчика. Среди его переводов — помимо «Утопии» — сочинения Плавта, Эразма Роттердамского («Похвала глупости», «Разговоры запросто») и др. Его перу принадлежат и оригинальные сочинения, благодаря которым он обрел репутацию смутьяна и вольнодумца. Гедвиль был одним из первых критиков «Путешествий Телемака» Фенелона,отреагировав на этот роман несколькими памфлетами, содержащими откровенные инвективы в адрес Людовика XIV⁹. Фенелон посвятил «Путешествия Телемака» своему воспитаннику, герцогу Бургундскому, наследнику французского престола, надеясь привить ему черты «идеального» государя. Сочинение Фенелона получило широкую известность. Оно многократно издавалось почти во всех европейских странах, включая Россию. Вопрос об идейном содержании «Телемака», его месте в истории политической борьбы XVIII в., в частности французской утопии, далеко не однозначен. Отметим, что некоторые идеи Фенелона оказали определенное воздействие на Ж. Мелье и Т. Деами¹⁰, просветителей и энциклопедистов. Статья «Восстание» в «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера фактически представляет собой развернутую цитату из XIII книги «Путешествий Телемака»¹¹.

Гедвиль понял главную слабость утопии Фенелона, обусловленную принадлежностью ее автора к дворянско-аристократическим кругам. Критик отрицал идею Фенелона, связывавшего возможность искоренения общественных пороков и создания совершенного государства с воспитанием идеального правителя. Он

развенчал литературный образ идеального государя Идоменей. По мнению Гедвиля, Фенелон, надев маску Ментора, путем божественного вмешательства произвел сомнительное превращение плохого правителя в совершенного. Более того, Фенелон-Ментор предлагает Идоменею такие законы, которые не могут создать гармонического государства, поскольку они способны лишь превратить народ в рабочий скот, готовый по первому сигналу умереть во славу своего правителя¹². На заре Просвещения прозвучали слова Гедвиля: «...Государь является тираном, если он изнуряет свой народ и углубляет нищету своих подданных; государь является бичом человеческого рода, если он проливает кровь [парода] в войнах, к которым стремится, побуждаемый своим тщеславием или дурной верой»¹³. По свидетельству П. Бейля, гедвильевская критика «Путешествий Телемака» нашла горячий отклик в протестантской среде.

Знаменательно, что критик утопии Фенелона и переводчик «Утопии» Т. Мора и сам выступил в утопическом жанре. В 1704 г. в Голландии была издана на французском языке книга под названием «Диалоги барона де Лагонтана и американского дикаря»¹⁴. Как отмечал В. П. Волгин, эта книга, в которой даны повторяющиеся затем бесчисленное число раз черты типичной фигуры «доброго дикаря», была одной из первых в том направлении французской политической литературы, которая, дополняя и иллюстрируя рационалистические схемы естественного права, «оказала, несомненно, большое влияние на коммунистическую мысль XVIII в.» В. П. Волгин писал, то «Диалоги» принадлежат перу «некоего Гедвиля»¹⁵. Этой же точки зрения придерживались французские историки Керар, А. Лихтенберже, М. Домманже¹⁶.

Барон де Лагонтан, имя которого фигурирует в названии книги, — реальное историческое лицо¹⁷. «Диалоги барона де Лагон-

¹² Critique de la suite du second tome des Avantures de Telemaque. Cologne, 1700, p. 279—280.

¹³ Le critique ressuscite ou fin de la critique des Avantures de Telemaque. Cologne, MDCCII, p. 198—199.

¹⁴ Lahontan, baron de. Dialogues de Monsieur le baron de Lahontan et d'un sauvage, dans l'Amerique. Amsterdam, 1704.

¹⁵ Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1977, с. 247.

¹⁶ Quéard. Supercheries littéraires dévoilées; Lichtenberger A. Le socialisme au XVIII siècle. P., 1895; Домманже М. Истоки социальных идей Жана Мелье. (К 300-летию со дня рождения). — В кн.: История социалистических учений. М., 1964; Enciclopedia universal ilustrada europeo-americana. Barcelona [s. a.], t. XXIX, p. 319 (в статье «Лагонтан» «Диалоги» прямо называются сочинением Н. Гедвиля).

¹⁷ Барон Луи Арман де Лагонтан (1666—ок. 1715) родился в маленьком городке Лагонтан, затерянном в Пиренеях. Получив в наследство разстроенное имение, он, чтобы поправить свои дела, в 1683 г. примкнул к очередной французской экспедиции, отправлявшейся в Квебек. В Квебеке Лагонтан участвовал в нескольких военных экспедициях против ирокезов и в столкновениях с англичанами. В 1688—1689 гг. Лагонтан совершил экспедицию в глубь континента и достиг берегов Миссисипи.

⁵ Lahontan. Dialogues curieux entre l'auteur et un sauvage de bon sens qui a voyagé et Memoires de l'Amerique Septentrionale, publiés par Gilbert Chinard. Baltimore, 1931, p. 38—39 (далее — Lahontan. Dialogues).

⁶ L'Esprit [Nouvelles] des cours de l'Europe. La Haye, 1699—1710. Vol. 1—16.

⁷ Le Grand Théâtre historique ou Nouvelle Histoire universelle. Leyde, 1705. Vol. 1—5.

⁸ Atlas historique. Amsterdam, 1713—1721. Vol. 1—7.

⁹ Critique... des Avantures de Telemaque. Cologne, MDCC—MDCCII, Vol. 1, pt. I—IV; vol. 2.

¹⁰ См.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979, с. 19, 246.

¹¹ Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne des sciences, des métiers. Paris, 1765. T. XIV.

тана с американским дикарем» 1704 г., так же как три тома сочинений, озаглавленных «Новые путешествия барона де Лагонтана в Северную Америку»¹⁸, вышли под его именем. В первых двух томах «Новых путешествий» были помещены записки об американском континенте, сведения об индейских племенах и их обычаях, письма и другие материалы. Третий том имел дополнительное название «Диалоги барона де Лагонтана и американского дикаря». Именно этот том Керар, Лихтенберже, Домманже, Собуль, Волгин считали произведением Гедвиля. В 1703 г. записки Лагонтана были изданы также и на английском языке в Лондоне¹⁹.

В 1705 г. в Амстердаме вышло второе «просмотренное, исправленное и расширенное» издание «Путешествий барона де Лагонтана»²⁰ в двух томах. На титуле второго тома, куда были включены «Диалоги барона де Лагонтана с американским дикарем», уточнялось, что в этом издании расширены «беседы автора с выдающимся дикарем». Действительно, как установил американский исследователь Ж. Шинар, к беседам Лагонтана с дикарем — о религии и о законах — была добавлена третья — о собственности, заметно отличающаяся по стилю от первых двух. Впрочем, и в них появилось несколько вставок, которые, по замечанию Шинара, привнесли в первоначальный текст элементы критики французского общества и придали «Диалогам» политическую остроту²¹. Все это позволило Шинару выделить в публикации 1705 г. два слоя и прийти к убедительному, как нам представляется, заключению о причастности такого опытного издателя и публициста, каким был Гедвиль, именно к этой (и только

Вернувшись из странствий, он сообщил об открытии так называемой Долгой реки, якобы впадающей в Миссисипи с запада. Вскоре Лагонтан был назначен королевским наместником во французских владениях на о. Ньюфаундленд, но в 1693 г. из-за острых разногласий с губернатором Новой Франции покинул Канаду и возвратился в Европу. Некоторое время он жил в Португалии, а затем исколесил почти всю Европу. Может быть, эти поездки были вызваны стремлением избежать наказания за самовольное бегство из Канады, а может быть, Лагонтан стремился заинтересовать европейских правителей каким-нибудь колониальным проектом. Не исключено, что его странствия по Европе были связаны и с хлопотами об издании канадских записок.

¹⁸ *Lahontan. Nouveaux voyages de Monsieur le baron de Lahontan, dans l'Amerique Septentrionale, qui contiennent une relation des differens peuples qui y habitent la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs coutumes, leur religion et leur maniere de faire la guerre. La Haye, 1703—1704. Vol. 1—3.*

¹⁹ *Lahontan L. New Voyages to North-America. L., 1703. Vol. 1, 2.*

²⁰ *Lahontan. Voyages du baron Lahontan, dans l'Amerique Septentrionale, qui contiennent une relation des differens peuples qui y habitent la nature de leur gouvernement; leur commerce, leurs coutumes, leur religion et leur maniere de faire la guerre. 2 éd., revue, corrigée et augmentée. Amsterdam, 1705. Vol. 1, 2.*

²¹ Такого же мнения придерживался и Дж. Аткинсон. См.: *Atkinson G. Les relations de voyages du XVII siècle et l'évolution de idées. P. [s. a.], p. 41, 208.*

к этой) публикации. По мнению Шинара, Гедвиль не ограничился ролью издателя, но одновременно выступил редактором, дополнившим прежний текст, и соавтором, написавшим повый, наиболее важный в идейном отношении раздел о собственности.

Сам Гедвиль ни разу публично не заявлял о своем авторстве, хотя уже современники приписывали ему весь корпус «Диалогов» Лагонтана²². Однако это не единственный случай, когда он не подписывал собственных сочинений. Причины анонимности, или псевдонимности, могли быть самыми различными. Нередко авторам приходилось руководствоваться элементарными соображениями безопасности. Возможно, этим объясняется, например, анонимность гедвилевского памфлета против Фенелона. Эта же причина могла действовать и в случае с «Диалогами».

Критика государственных и социальных институтов ведется в «Диалогах» американским дикарем Адарно, который получил европейское образование, но предпочел при первой же возможности вернуться на родину, «в лес», сохранив воспоминание о годах, проведенных в Европе, как о кошмаре²³. Адарно утверждает, что форма правления, существующая во Франции, способна лишь создавать несчастных, у которых нет ни средств, ни будущего. А они составляют большинство населения. Французская государственная организация, с точки зрения Адарно, в корне противоречит принципам естественного права. Деспотизм, пусть даже просвещенный, не соответствует естественному состоянию людей. Устами Адарно Гедвиль убеждает французов обратить внимание на совершенное общество, открытое им у...гуронов, которые не имеют ни короля, ни законов, ни кутюмов и связаны между собой только естественным правом²⁴.

Анализ «Диалогов» позволяет говорить об основательном знакомстве Гедвиля с различными вариантами учения о естественном праве. Не случайно поэтому один из самых ранних и вместе с тем самых ярких во французской литературе образов «мудрого дикаря», персонифицировавших идею естественного состояния²⁵, был создан французом, долгое время жившим в Голландии. Голландия, наряду с Англией, оказала влияние на развитие французского Просвещения. На голландской почве появилось первое в истории нового времени систематическое учение о праве и справедливости, связанное с именем Гуго Гроция²⁶.

²² *Chinard G. L'Amerique et le rêve exotique dans la littérature française au XVII et au XVIII siècle. P., 1913, p. 171.*

²³ *Chinard G. Introduction.— In: Lahontan. Dialogues, p. 20.*

²⁴ *Lahontan. Dialogues, p. 258.*

²⁵ Впоследствии, уже в период Просвещения, идеализация «естественного состояния» станет неотъемлемой частью многих произведений французской литературы (таитянская утопия Д. Дидро в «Допавлениях к путешествию Бугенвиля», произведения Ж.-Ж. Руссо и др.).

²⁶ В числе идейных предшественников Г. Гроция исследователи называют и французского мыслителя Ж. Бодена. См.: *Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976, с. 290.*

В конце XVII в. через Голландию во Францию прощкали идеи передовых английских мыслителей. После отмены Напского эдикта и до «славной революции» 1688—1689 гг. в Англии, в результате которой английский трон занял голландский штатгальтер Вильгельм III Оранский, Голландия была местом оживленных контактов английских и французских эмигрантов, бежавших от религиозных и политических преследований. В течение нескольких лет (1683—1690) в Голландии жил Джон Локк. Именно в эти годы он работал над трактатами о государственном правлении и главным своим философским сочинением «Опыт о человеческом разуме». Несомненно, память о Локке — политическом союзнике Вильгельма Оранского — сохранялась в Голландии и после его возвращения на родину, так же как сохранялись связи Локка с голландскими мыслителями и издателями. Если Гедвиль и не был лично знаком с английским философом, то произведения Локка, выходившие в Гааге и Амстердаме в те же годы, что и его собственные, вряд ли могли пройти мимо его внимания²⁷.

Локк трактовал естественное право — «закон природы» — как «вечное руководство для всех людей, для законодателей в такой же степени, как и для других. Те законы, которые они создают для направления действий других людей, должны, так же как и их собственные действия и действия других людей, соответствовать закону природы, т. е. божьей воле, проявлением которой он является»²⁸. Локк признавал право народа на восстание против верховной власти, если последняя «действует вопреки оказанному ей доверию». «Когда... законодатель, — пишет он, — пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти, то они ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения»²⁹.

С этим положением Локка совпадали представления французских протестантских политических мыслителей. Они признавали право народа на пассивное или активное сопротивление монарху, ставшему на путь преступлений против своих подданных, и искали обоснование этого права в текстах Ветхого Завета. В русле этих идей развивается и аргументация Гедвиля. По его мнению, король, узурпировавший государственную власть,

собственность и жизнь своих подданных, является тираном. Французам необходимо открыть глаза на деятельность подобного правителя. «Скажи мне, недостойный француз, — спрашивает Адарио, — кому ты больше принадлежишь — Родине или королю? Не принадлежит ли хлеб, который ты ешь, нации, а не королю? Но вы на вашем континенте, вы — другие люди, полностью зависимые от высшего авторитета одного человека. Мало того, что он высасывает вас до мозга костей, вы к тому же еще разрешаете ему творить жестокость как откупщику всеобщей собственности: армия принадлежит правителю, корабли принадлежат правителю, деньги принадлежат правителю. Он является величайшим в мире тираном, а его подданные считают, что он берет только то, что ему принадлежит»³⁰. Таким образом Гедвиль подвергает переоценке традиционные взгляды на королевскую власть и ее прерогативы. Он называет и силу, которая способна изменить «установившийся порядок вещей» и вернуть нацию его естественное состояние. 300 тыс. французских солдат, полагает Адарио, могут установить гуманную форму правления, при которой каждый человек будет трудиться ради общественного процветания³¹. Правда, сам Гедвиль не обнаруживает особого оптимизма относительно скорого изменения дел во Франции. Об этом свидетельствует, в частности, реплика второго участника диалога — Лагонтана, который, чувствуя разумность доводов Адарио, замечает, однако, что «нужен новый потоп» для того, чтобы высказанные идеи осуществились на практике³².

Естественное право в диалоге Гедвиля имеет неоспоримое преимущество перед всеми другими установлениями, поскольку оно порождено самой природой. Однако из этой общей посылки он делает более радикальные выводы, чем Гоббс или Локк, которые, по существу, ассоциировали естественное состояние с буржуазным правом частной собственности. По Гедвилю же, главный принцип естественного права — это принцип равенства всех людей. Природа, рассуждает он, не знает различий между людьми. Все они, как дети одной матери, равны между собой, и потому бедняк, лишенный всех средств к жизни, имеет естественное право на излишки, которыми владеют богачи. Соблюдение этого принципа должно стать единственным и постоянным законом общества, заменив собой все другие законы и кутюмы³³.

Гедвиль обличает собственность как самое большое и главное зло европейских обществ, из которого проистекают и остальные бедствия: «Твое и мое являются причиной больших беспорядков»³⁴; «Нация, у которой господствует личная выгода [частный

²⁷ В Амстердаме Локк часто встречался с французскими протестантскими мыслителями и учеными, среди которых был Жан Леклерк, профессор философии в арминьянской школе в Амстердаме и издатель журналов. Леклерк в «Универсальной библиотеке» («Bibliothèque universelle») (1688) опубликовал сочинение Локка «О человеческом познании». Он же в одном из томов «Старинной и современной библиотеки» («Bibliothèque ancienne et moderne») поместил резкую по тону и необъективную по выводам заметку о Гедвиле. См.: *Chinard G. Introduction.* — In: *Lahontan. Dialogues*, p. 37—38.

²⁸ Локк Дж. Избранные произведения. М., 1960, т. 2, с. 78.

²⁹ Там же, с. 86, 136.

³⁰ *Lahontan. Dialogues*, p. 257.

³¹ *Ibid.*, p. 239.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*, p. 257.

³⁴ *Ibid.*, p. 236.

интерес] и деньги являются ее душой, связующим звеном, нервом... неизбежно будет обезображена всеми видами преступлений и эксцессов»³⁵.

Европейскому обществу, основанному на частной собственности, противопоставлено общество американских «дикарей», которые не имеют ни «моего», ни «твоего», ни господства, ни подчинения и живут в естественном равенстве. Гедвиль убежден, что если во Франции когда-нибудь исчезнет «королевство... и каждый город, став суверенным, введет общность имуществ среди своих жителей», то это увеличит его могущество³⁶. Обличение частной собственности составляет существенное отличие Гедвиля не только от многих его предшественников, но и от большинства деятелей французского Просвещения. Нет нужды безоговорочно «привязывать» идеи Гедвиля к одному определенному направлению общественной мысли XVIII в., как это сделал, например, Морис Домманже, считавший Гедвиля «убежденным коммунистом»³⁷. Во всяком случае, его противостояние теоретикам буржуазии и близость к радикальным течениям революционно-демократического толка не вызывают сомнения. Так, мысли, высказанные участниками диалога о собственности, в отдельных случаях прямо перекликаются с идеями Ж.-Ж. Руссо, который писал: «Первый, кто, оградив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберечь бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»³⁸.

Здесь уместно напомнить замечание Ф. Энгельса, что представление о равенстве сыграло, «в особенности благодаря Руссо, определенную теоретическую роль, а во время великой революции и после нее — практически-политическую роль»³⁹. Эту характеристику можно отнести и к «Диалогам» Гедвиля, тем более что влияние идей о «мудром дикаре» и о «естественном состоянии», берущих начало в утопии Д. Веракса и «Диалогах» Гедвиля, прослеживается и в ряде коммунистических учений XVIII в., в частности у Морелли⁴⁰.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid., p. 237.

³⁷ Домманже М. Указ. соч., с. 133.

³⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 72.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 104.

⁴⁰ См.: Волгин В. П. Коммунистическая теория Морелли. — В кн.: Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.; Л., 1947, с. 27.

* * *

Критическое отношение к частной собственности и интерес к проблемам естественного права, раздумья о том, как разумно сочетать «естественное состояние» и цивилизацию, способствовали обращению Гедвиля-переводчика к «Утопии» Томаса Мора. Гедвиль заинтересовал тип государства без частной собственности, находящегося на высоком уровне цивилизации, не только соответствующем тому, который достигнут в европейских государствах, но и превосходящем его⁴¹.

Первое издание «Утопии» в переводе Гедвиля вышло в Лейдене в 1715 г., затем еще два — в Амстердаме в 1717 и 1730 гг.⁴², причем последнее было опубликовано уже после смерти Гедвиля. Продолжая 200-летнюю традицию изданий «Утопии», Гедвиль предваряет основной текст обширной «парергой», которая включает посвящение, предисловие переводчика, биографический очерк о Море и письма: Томаса Мора Петру Эгидию (в издании 1730 г. оно опущено), Эразма Роттердамского Иоганну Фробену, Гийома Бюде Томасу Лупсету, Иеронима Буслидия Томасу Мору, Петра Эгидия Иерониму Буслидию, Иоганна Палудана Петру Эгидию, стихи Палудана, Герарда Новиомагийского, Корнелия Графея, анемоллийское шестистишие. Во всех изданиях дано развернутое оглавление.

Анализ биографии Т. Мора позволяет очертить круг представлений Гедвиля и его современников о личности, характере, политической и литературной деятельности автора «Утопии». Гедвилевская биография составляет органическую часть французской и общеевропейской мореаны.

Трудно установить, какими источниками пользовался Гедвиль при написании биографии Мора. В одном случае он упоминает «латинских историков», т. е. историков, писавших по-латыни, в другом — «неизвестного автора», в третьем — некоего «знаменитого историка»⁴³. Гедвиль, безусловно, был знаком с биогра-

⁴¹ См.: Мор Т. Утопия (далее — Утопия). М., 1978, с. 172.

⁴² L'Utopie de Thomas Morus, Chancelier d'Angleterre; Idée ingenieuse pour remédier au malheur des Hommes; et pour leur procurer une félicité complète. Traduite nouvellement en François par M. Gueudeville. Leide, 1715 (далее — L'Utopie); L'Utopie de Thomas Morus, Chancelier d'Angleterre; idée ingenieuse pour remédier au malheur des Hommes; et pour leur procurer une félicité complète. Cet Ouvrage qui contient le plan d'une republique dont les Lois, les Usages, et les Coutumes tendent uniquement à faire faire aux Sociétés Humaines le passage de la Vie dans toute la douceur imaginable. Republique, qui deviendra infailliblement réelle, dès que les Mortels se conduiront par la Raison. Traduite nouvellement en François par M. Gueudeville. Amsterdam, 1717; Idée d'une republique heureuse: ou l'Utopie de Thomas Morus, Chancelier d'Angleterre. Contenant le Plan d'une République dont les Loix, les Usages, et les Coutumes tendent uniquement à rendre heureuses les Sociétés qui les suivront. Traduite en François par M. Gueudeville. Amsterdam, 1730.

⁴³ L'Utopie. Abregé de la vie de Thomas Morus. В этом разделе пагинация отсутствует.

фическими сведениями о Море, содержащимися в словарях его современников П. Бейля и Л. Морери⁴⁴. Причем в некоторых оценках Гедвиля, данных им Мору, невольно проскальзывает скептицизм Бейля по отношению к знаменитому англичанину. Судя по характеру некоторых сведений о жизни Мора, приводимых Гедвилем, он мог знать и ранние биографии гуманиста, написанные У. Ропером и Т. Степлтоном. Эти сведения могли быть заимствованы и из таких же компилятивных биографий, включавшихся в более ранние издания «Утопии».

Гедвиля интересовали истоки, основа становления личности Мора. Он особо подчеркнул, что Мор происходил из семьи не знатной, но не уступающей никому в Англии в вопросах чести (возможно, это парафраза из эпитафии самого Мора). В биографии подробно прослеживаются периоды образования Мора, начиная с колледжа св. Антония, особо отмечаются успехи в греческом и латинском языках, достигнутые собственным усердием, без помощи учителей⁴⁵. По мнению Гедвиля, в формировании личности Мора большую роль сыграл Джон Мортон, в доме которого будущий лорд-канцлер провел некоторое время. Мортон настолько высоко ценил способности Мора, что решил отправить его в Оксфорд. «Это был редкий подарок, сделанный им прославленному университету», — замечает Гедвиль⁴⁶. Сведения о близком знакомстве Мора с Мртоном помогали французским читателям «Утопии» острее воспринимать описываемую в ней встречу Гитлодея с Мртоном, понять, почему из всех политических деятелей Англии конца XV — начала XVI в. именно Джон Мортон удостоился чести стать персонажем книги Мора и получить от автора блестящую характеристику своих политических и нравственных качеств⁴⁷.

Согласно версии Гедвиля, Мор уже в студенческие годы был тесно связан с Уильямом Гроцином, Томасом Линакром и другими гуманистами оксфордского кружка. Гедвиль ничего не говорит о том, что Мор пробыл в Оксфорде всего два года и вернулся в Лондон по требованию отца для занятий юриспруденцией. Он пишет, что Мор вышел из Оксфордского университета хорошо подготовленным к научному поприщу, вполне осознавшим ту

великую роль, которую уготовило ему провидение⁴⁸. В биографии ничего не говорится о годах обучения и преподавания Мора в юридических корпорациях. Речь Мора в качестве поверенного, которую Гедвиль рассматривает как его политический дебют, была произнесена в 1504 г., когда Мор уже стал членом палаты общин. Гедвиль считает, что после этой речи королевский двор решил предоставить ему возможность блеснуть на политическом поприще⁴⁹. В действительности, как известно, выступление Мора против затребованных короной чрезвычайных платежей вызывало гнев Генриха VII, отразившийся не только на самом Море, но и на близких (отец Мора был заключен в Тауэр). Во всяком случае, до 1509 г. он был вынужден заниматься в основном частной адвокатской практикой. Взаимоотношения Мора со двором Генриха VII, таким образом, выпали из поля зрения Гедвиля. Справедливо связывая выдвижение Мора как государственного деятеля с именем Генриха VIII, Гедвиль и в этом случае нарушает хронологическую последовательность, зачастую подменяя причину следствием. Предложение поступить на королевскую службу Мор получил (и дал на него согласие) в 1517 г. после участия в англо-фламандских переговорах 1515 г. по торговым вопросам. Сыграла свою роль и широкая известность Мора в гуманистических кругах, связанная с выходом в свет «Утопии». По версии же Гедвиля выходит, что король обратил внимание на Мора как на крупного парламентского деятеля и адвоката⁵⁰.

Гедвиль отмечает, что король использовал Мора на высших государственных постах, и выделяет первые «черты ступеньки» на том пути вверх, который Мору предстояло пройти: докладчик прошений (в 1518 г. Генрих VIII назначает Мора членом судебной комиссии для слушания прошений), рыцарь, казначей (здесь неточность: в 1521 г. Мор назначается помощником казначея), канцлер герцогства Ланкастерского⁵¹. Дипломатические миссии Мора Гедвиль выделяет особо, как показатель доверия Генриха VIII, который, по мнению переводчика, все больше убеждался в достоинствах своей «креатуры»⁵². Мору поручаются важнейшие миссии к императорскому двору и во Францию. При перечислении успехов Мора на государственном поприще Гедвиль, однако, кое-что упустил: так, в 1523 г., в период полемики с Лютером, Мор избирается спикером палаты общин, а в 1525 г. Генрих VIII жалует ему земли в Оксфордшире и Кенте.

Вершиной политической карьеры Мора Гедвиль считает его назначение на пост лорда-канцлера Англии, ошибочно датируя это событие 1531 г. Фактически Мор стал лордом-канцлером в октябре 1529 г., после падения Томаса Уолси. По мнению Гед-

⁴⁴ Bayle P. Dictionnaire historique et critique, P., 1820; Moréry L. Le grand dictionnaire historique. 6-ème ed. Utrecht; Leiden; Amsterdam, 1962, Vol. 1—4.

⁴⁵ Гедвиль несколько неточен, сообщая, что уже в школе св. Антония Мор усвоил, помимо латинского языка, еще и греческий, изучение которого фактически началось лишь в Оксфорде.

⁴⁶ L'Utopie. Abregé de la vie de Thomas Morus.

⁴⁷ Заметим, кстати, что роль персонажа по имени Джон (Иоганн) Мортон в идейном замысле «Утопии» весьма значительна. К Мртому «привязаны» и так или иначе соотносятся с его именем основные темы критической части «Утопии», такие, как «воровство и правосудие», «овцы, пожирающие людей», «роскошь» и др.

Вероятно, образ Мортоня, по замыслу автора, не только служил целям литературной мистификации, но и придавал особый авторитет в глазах читателей этим мотивам «Утопии».

⁴⁸ L'Utopie. Abregé de la vie de Thomas Morus.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

вила, на этом посту Мор блестяще проявил лучшие свои качества человека и государственного деятеля: деловитость, искренность, прямоту и прежде всего бескорыстие. В глазах французского биографа Мор выигрывает в сравнении с «высокомерным» Уолси⁵³.

Проследив весь путь возвышения Мора, Гедвиль обращается затем к истории его падения и трагической гибели, замечая при этом: «Есть какая-то фатальность в том, что государство теряет в первую очередь тех людей, которые являются наиболее полезными ему»⁵⁴. Гедвиль справедливо усматривает причину гибели Мора в том, что «он выступил против яростной бури», которая поднялась в отношениях «между английским двором и Римом», хотя, как он считает, Мор «этот великий человек», никогда не был «почитателем или, лучше сказать, слепым поклонником могущества, узурпированного Римским Понтификатом»⁵⁵. По мнению Гедвиля, Мор предвидел, что несогласие Англии и Рима приведет к схизме, к отделению английской церкви от папского престола. Позицию Мора в конфликте с королем Гедвиль в целом оправдывает. «Мор,— пишет он,— в конфликте с Генрихом был бесконечно выше пошлости, но в то же время его можно упрекнуть в том, что для философа он зашел в своей насмешке слишком далеко»⁵⁶. Гедвиль подробно описывает события, последовавшие за добровольной, как он полагает, отставкой Мора. Следуя традиции XVI в., он подчеркивает, что Мор переносил опалу с юмором, черпая спокойствие духа и «презрение» к жизни в философских и этических учениях⁵⁷.

Французский биограф достаточно хорошо осведомлен о перипетиях судебного процесса над Мором. В рассказе о нем отчетливо звучит мотив противопоставления человека, безвинно пострадавшего за свои убеждения, с одной стороны, и короля-тирана — с другой. Называя приговор, вынесенный Мору, «ужасным, жестоким, варварским», Гедвиль подчеркивает, что Мор от неси к нему философски. Он приводит идущее от английских хронистов и биографов Мора описание казни и предсмертное обращение бывшего лорда-канцлера к палачу (о шаткости лестницы и невиновности его бороды), что было непременным атрибутом всех рассказов о жизни Мора, появившихся на страницах английской и французской печати XVI—XVIII вв., включая многочисленные справочники и словари. Предсмертные шутки Мора сопровождаются пространными рассуждениями самого Гедвиля, восхищенного силой характера Мора, сохранившего до конца мужество, стойкость, чувство юмора. Французский биограф не может найти этому другого объяснения, кроме того, что Мор был убежден в своей правоте, которая обеспечит ему место в раю.

По мнению порвавшего с католицизмом Гедвиля, достойно удивлению то обстоятельство, что Мор, утверждавший папскую супрематсию в делах веры и отдавший за это свою жизнь, не был внесен католической церковью в мартиролог⁵⁸.

Итак, в биографическом очерке Гедвиль сосредоточил свое внимание исключительно на личности Мора, его служебной карьере, отношениях с королевской властью. Сознательно или бессознательно он обошел почти полным молчанием литературное творчество, упомянув лишь о том, что Мор был автором нескольких трудов на моральные темы и что он, вместе с Фишером, помогал Генриху VIII писать книгу против Лютера⁵⁹. Вне поля зрения Гедвиля остались и «История Ричарда III», и эпиграммы, и богословские работы Мора. Это не значит, конечно, что Гедвиль не знал об их существовании. В популярных словарях его времени, в частности в словаре Морери, эти работы указаны. Между прочим, в биографическом очерке ни разу не упомянуты и «Утопия», о которой никак не скажешь, что Гедвиль не был знаком с пей. Французский переводчик, вероятно, исходил из понимания биографии как описания «деяний», и в этом смысле его очерк наследовал характер и черты средневековых «житий». В сущности, в этом же духе было выдержано и жизнеописание Мора, составленное Ропером.

Тем не менее, несмотря на недостатки очерка, его неполноту, некоторые фактические неточности, Гедвиль способствовал более основательному знакомству Франции с личностью «знаменитого англичанина». Во всяком случае, биография Гедвиля, повторяя кочующие по различным словарям и сборникам анекдоты о Море, не сводится только к ним.

Что же представляет собой перевод «Утопии», сделанный Гедвилем, по которому французские читатели познакомились с идеями Мора? Какую «Утопию» знали во Франции на протяжении почти всего XVIII в.? Как отразились в переводе собственные идейные позиции Гедвиля?

Гедвиль сохранил авторскую структуру «Утопии» (она состояла из двух книг) и, кроме того, снабдил текст собственными рубриками, составившими своеобразное оглавление, вынесенное в конец тома. Гедвилевские рубрики заметно отличаются от тех, которые сделаны в базельском издании. Часть их является своего рода словариком некоторых понятий и терминов политического и философского характера, толкуемых на основе текста «Утопии»: «Гуманность — это форма взаимоотношений людей, основанных на утешении и помощи. Гуманность — это обязанность заботиться об общественном благе. Справедливость правителей — их добродетель»⁶⁰; «знатность — химера»⁶¹ и т. п.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Католическая церковь провозгласила Т. Мора «блаженным мучеником» в 1886 г. и канонизировала как святого в 1935 г.

⁵⁹ L'Utopie. Abregé de la vie de Thomas Morus.

⁶⁰ Ibid., p. 354.

⁶¹ Ibid., p. 357.

Существенное изменение претерпел стиль сочинения Мора. Изысканная и строгая архитектоника гуманистического диалога, его внутренняя уравновешенность и внешняя плавность сменяются во французском переводе напряженным и неровным стилем публицистического сочинения. Если гуманистический диалог рассчитан на постепенное, ступенчатое восхождение к истине, то публицистическое сочинение истину сразу либо провозглашает, утверждает, либо ставит под сомнение, развенчивает. Естественно, в ряде случаев изменения стиля приводят и к смещению смысловых акцентов.

В то же время, используя свойственные французской литературе стилистические приемы — обращения к читателю, восклицания, обороты типа; *je die, je vous prie*, риторические вопросы и т. п., — переводчик не только стремится заинтересовать своих читателей, но и сделать их «соучастниками» постижения моровской идеи наилучшего устройства государства.

Особенно широко Гедвиль пользуется риторическими вопросами, которые буквально пронизывают весь текст перевода. «Кто бы мог этому поверить?» — спрашивает Гедвиль устами Гитлодея, передавая рассказ о «ненасытных» и «неукротимых» овцах, которые «пожирают людей»⁶². «Но в чем состоит это преступление?» — восклицает он, описывая судьбу бродяг, обвиняемых в праздности только на том основании, что им не удалось «найти никого, кто бы согласился принять их услуги, хотя они предлагали их с предельным усердием»⁶³. При переводе одного из важнейших мест «Утопии» — о частной собственности как главном препятствии для того, чтобы «государство управлялось справедливо или счастливо»⁶⁴, Гедвиль ввел целую серию риторических вопросов: «Как ввести справедливость при тех формах правления, при которых наипервейшие злодеи наслаждаются лучшим? Как обеспечить всеобщее счастье в том союзе смертных, где все разделено между очень небольшим числом жителей, и они же еще считают, что имеют недостаточно; и это в то время, когда много жестокость [людей] изнемогают в нищете и бедности»⁶⁵. Гедвиль не просто передает обличительный характер речи Гитлодея, но и заостряет его⁶⁶. Те, кого Мор называет «самыми плохими людьми», во французском переводе становятся «наипервейшими злодеями». Моровская оценка их образа жизни («да и они живут отнюдь не благополучно») становится самооценкой («и они же еще считают»), которая, судя по всему, не разделяется переводчиком, полагающим, что они имеют в своем владении более чем

достаточно. Такое неожиданное расхождение оригинала и перевода, видимо, можно объяснить различием общего порядка. Сравнивая два фрагмента, нетрудно убедиться, что речь в них, по существу, идет о различных вещах. Мор берет в расчет этическую сторону проблемы и в этом смысле убежден, что людей, процветающих в несправедливо устроенных государствах, нельзя назвать хорошими, а их образ жизни благополучным или добродетельным. Он подчеркивает, что при таких условиях остальное население и вовсе несчастно. Гедвиль равнодушен к этической стороне дела. Он сравнивает имущественное, материальное положение двух противостоящих друг другу категорий граждан и подчеркивает, что большая часть их «изнемогает в нищете и бедности», а кучка «злодеев», присвоившая себе основные блага, утверждает, что «имеет недостаточно».

Передавая разговор Гитлодея и некоего мирянина, знатока законов, о воровстве и методах избавления от него — проблеме, чрезвычайно важной как для Англии XVI в., так и для Франции XVIII в., Гедвиль превращает утвердительную реплику легиста в каскад вопросов. В ответ на сетования Гитлодея по поводу отсутствия запятых и средств существования у тех людей, которые вынуждены сначала грабить, а потом погибать, он заявляет: «Об этом достаточно позаботились. Разве не существует ремесел? Разве не существует земледелия? Неужели они не в состоянии заполнить свободное время?»⁶⁷ Риторические вопросы легиста не меняют общего смысла подлинника. Проникнутые пафосом, они словно таят в себе готовый утвердительный ответ. Но в то же время, как в любом вопросе, в них заключено сомнение в истинности ожидаемого «логичного» ответа. Истина, скрытая риторическим вопросом, — это передко ускользающая истина. Но такая истина противоположна трактату. И это хорошо чувствует переводчик. Поэтому он вводит в текст дополнительную сентенцию, следующую непосредственно за вопросами и отсутствующую в оригинале: «Но истинный смысл в том, что они (ремесла и земледелие. — В. К.) обесцениваются»⁶⁸. В подлиннике мнение законника было представлено как одно из возможных мнений, хотя у читателя не оставалось сомнений в отрицательном отношении к нему рассказчика — Гитлодея. В переводе Гедвиля этот отрицательный импульс получает гораздо большую силу благодаря декларативной вставке, выражающей его собственную и, как ему, вероятно, представлялось, авторскую позицию по этому вопросу.

Введение риторических вопросов позволило Гедвилю оттенить и такую особенность жизнеустройства утопийцев как регулярное перераспределение жилищ. Вместо краткой и спокойной сентенции Мора — «самые дома меняют они раз в десять лет по жребии»⁶⁹ — Гедвиль раздражается многословной и несколько на-

⁶² Ibid., p. 31.

⁶³ Ibid., p. 33.

⁶⁴ Утопия, с. 162.

⁶⁵ L'Utopie, p. 84.

⁶⁶ Мор в данном случае выражает сомнение в справедливости такого положения дел, когда «все самое лучшее достается самым плохим людям... когда все распределяется между совсем немногими, да и они живут отнюдь не благополучно, а прочие вовсе несчастны» (Утопия, с. 162).

⁶⁷ L'Utopie, p. 25.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Утопия, с. 179.

пыщенной тирадой, рассчитанной на то, чтобы остановить внимание читателя: «Утопийцы имеют обычай — я уверен, что вы этого никоим образом не ожидаете; поверят ли [мне]? Каждые десять лет они меняют дом; и это решается по жребию»⁷⁰.

«Поверят ли?», «Кто бы мог этому поверить?»⁷¹ — вопросы такого рода типичны для перевода Гедвиля. Их можно сопоставить с замечаниями Г. Бюде из письма-предисловия к парижскому изданию «Утопии» 1517 г. («если мы поверим Гитлодею» и т. п.)⁷². Выстроенные в один ряд, они свидетельствуют о стремлении комментаторов и переводчиков «Утопии» поставить проблему «достоверности» или, точнее, осуществимости идей Мора.

Основная идея «Утопии» — осуждение строя, основанного на частной собственности, — передана Гедвилем четко и недвусмысленно: «Я полностью уверен — для того, чтобы привести человеческие дела в справедливое равновесие, в счастливую пропорцию, необходимо уничтожить право собственности»⁷³. И далее: «Так же как существует обычай поддерживать безнадежно больного, отодвигая немного его кончину лекарствами, так же [существует обычай] законами смягчать и умерять язвы государства, но надеяться на полное исцеление и восстановление естественного положения, пока будет терпима собственность, это значит грубо заблуждаться»⁷⁴.

Гедвиль делает знаменательное добавление к резкому выпад Гитлодея против общества, «где есть частная собственность, где все измеряется деньгами»⁷⁵: «Во всех государствах, где установлена частная собственность... при всех формах правления, где божество, которому так ревностно служат и которого обожают, поминается деньгами и является единственным и универсальным стимулом, почти невозможно действовать ни справедливо, ни счастливо»⁷⁶. Идея пагубной власти денег в данном контексте отсутствует в подлиннике и целиком принадлежит переводчику, который, как и в других случаях, стремится «осовременить» текст «Утопии», связав ее с реальностями своей эпохи.

Гневные филиппики против безмерной власти денег были общими для политических, экономических, философских трактатов, появлявшихся во Франции в XVII—XVIII вв. Повседневная французская действительность, расточительность двора Людовика XIV давали обильную пищу для рассуждений на эту тему. Интересно сопоставить отношение к деньгам Гедвиля и его современника П. Буагильбера (1646—1714), которого К. Маркс назвал

родоначальником — наряду с В. Петти — классической школы буржуазной политической экономии. В трудах «Розничная торговля Франции» (1699) и «Рассуждения о природе богатства» (1707) Буагильбер, по словам К. Маркса, «фанатически борется против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена и, как фантастический Молох, требуют себе в жертву все естественное богатство»⁷⁷.

Гедвиль вполне мог быть знаком с идеями Буагильбера, сочинения которого издавались в Голландии в те же годы, что и его собственные. Во всяком случае, гедвилевская эскапада против денег прямо перекликается с высказываниями выдающегося экономиста. «Из этих металлов, — писал Буагильбер, имея в виду золото и серебро, — сделали идола и, пренебрегая целью и намерением, ради которых они были введены в торговлю, — а именно, чтобы служить залогом при обмене и взаимной передаче, — их почти отстранили от выполнения этой службы и превратили в божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем следя древность когда-либо приносила в жертву этим ложным божествам»⁷⁸.

Историческая ограниченность теории денег Буагильбера вскрыта В. И. Лениным⁷⁹. Нам надо лишь отметить, что современники воспринимали выступление Буагильбера против всевластия денег как осуждение финансовой политики правительства, что способствовало формированию оппозиционных настроений. Предшественник буржуазной экономической школы физиократов, Буагильбер вызывал симпатии демократически настроенных мыслителей и литераторов не только выступлениями против денег, но и сочувственными высказываниями о положении французского крестьянства, призывами к уменьшению налогового гнета и покровительству сельскому хозяйству.

Независимо от того, заимствовал ли Гедвиль свое обличение денег у Буагильбера или нет, очевидно, при переводе «Утопии» он размышлял над общими проблемами современного общества. Социальная утопия никогда не была побочным продуктом развития общественной мысли. В центре ее внимания был поиск ответа на существенные вопросы бытия. Короткая вставка Гедвиля свидетельствует еще об одной особенности социально-утопиче-

⁷⁰ L'Utopie, p. 113.

⁷¹ Ibid., p. 31.

⁷² Гийом Бюде приветствует Томаса Лупсета англичанина. — В кн.: Мор Т. Утопия, с. 92.

⁷³ L'Utopie, p. 86.

⁷⁴ Ibid., p. 88; ср.: Утопия, с. 164.

⁷⁵ Утопия, с. 162.

⁷⁶ L'Utopie, p. 84.

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 13, с. 41.

⁷⁸ Там же, с. 108. С высказыванием Буагильбера перекликается также реплика Гедвиля о ликвидации «денежной торговли» как условия полного уничтожения «знатности, роскоши, пышности, возвеличивания» (L'Utopie, p. 346).

⁷⁹ В. И. Ленин указывал, что «Буагильбер не понимал неразрывной и естественной связи денег с товарным обменом, не понимал, что провозглашает, как чуждые элементы, две формы „буржуазного труда“» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 193). См. также: Розенберг Д. История политической экономии. М., 1934, ч. 1, с. 93—97.

ской мысли — о ее способности извлекать аргументы и доводы для обоснования радикальных гипотез и проектов даже из умеренных учений и теорий. В данном случае моровское отрицание собственности, равно как и развенчание золота в государстве утопийцев, было воспринято Гедвилем как близкое по духу умонастроениям его современников, и он поспешил афористически выразить эти настроения и включить их в текст перевода «Утопии». Той же цели служит и вынесенная в «оглавление» рубрика «Дама Мопета — королева мира, презираемая утопийцами»⁸⁰.

Образ современной Франции стоял перед глазами Гедвиля и когда он переводил страницы о нищете народа, служащей оплотом монархии, о воровстве и роскоши, о жилищах и одежде, о тунеядцах. В ряде случаев критическая направленность «Утопии» получает в его переводе уточненный адрес. Например, выражение Мора «в других местах»⁸¹, использованное при описании роскоши в одежде, он заменяет выражением «в наших государствах»⁸².

Перечисляя праздные слои общества, Гедвиль акцентирует внимание на лицах духовного звания. Если Мор в самой общей форме упоминает священников и монахов, то Гедвиль пристрасно конкретен. В его перечне — «служители культа, кардиналы, архиепископы, аббаты, прелаты, священники, монахи». Переводчик восклицает: «О боже! Какое колоссальное число праздных людей, большинство которых думает лишь об удовольствиях и о том, как усладить пять чувств натуры!»⁸³

Мировоззрению Гедвиля была близка идея всеобщего труда. В том же 1715 г. он писал: «Нет человека, который не был бы обязан занимать себя [делом], один — на одип манер, другой — на другой; наш интерес, даже наше здоровье требуют этого». Чтобы подкрепить свой тезис, Гедвиль ссылается на Священное писание: «В поте лица будете есть хлеб свой»⁸⁴.

Возвращаясь к фрагменту об одежде, отметим, что сравнение одежд утопийцев и европейцев послужило Гедвилю поводом для включения в текст «Утопии» собственного рассуждения о неумеренной роскоши европейской знати: «Итак, единообразие одежды. Я полагаю, что ни наши дамы в столь разнообразных одеяниях, ни прекрасные господа в расшитых одеждах, украшенных галунами и т. п., не способны вовсе уразуметь эту утопийскую философию. На свете имеется множество других прекрасных, добрых и полезных истин, к восприятию которых мы, муравьи рода человеческого, совершенно не способны. Предрассудок — это деспотический суверен нашего рода о двух погах, с высоко поднятой головой, обладающий сладостной силой»⁸⁵.

Как видим, Гедвиль делает вывод о несовпадении многих жизненных и философских принципов, действующих в Утопии и в европейских государствах.

Наиболее пристрасно Гедвиль переводит страницы «Утопии», непосредственно посвященные Франции, в частности описание совета у французского короля, а в самом этом фрагменте — рассуждения о мерах, которые надлежит принять в отношении Англии. В подлиннике Гитлодей говорит: «Тут завязывается самый главный узел: что тем временем решить об Англии?»⁸⁶ Гедвиль переводит: «Как надлежит поступить с Англией?» — и продолжает: «Какие меры должны быть приняты в отношении этой могущественной морской державы? Это гордиев узел. Не оставляйте попыток разрубить его»⁸⁷. В этих фразах особенно показателна характеристика Англии как могущественной морской державы, которой не было у Мора. В пору, когда писалась «Утопия», Англия делала только первые попытки включиться в борьбу за господство на морях. К концу же XVII в. Англия, одолев Испанию и Голландию, превратилась в одну из крупнейших морских держав. Именно в этот период пришли в столкновение колонизаторские планы Англии и Франции. Уходящее в глубь веков франко-английское соперничество было теперь перенесено на моря. К началу XVIII в. сложились два главных узла франко-английских противоречий. Центром одного из них была Индия, где пришли в столкновение интересы французской, созданной в 1664 г. Кольбером, и английской Ост-Индской компаний. Вторым узлом возник в Северной Америке, на территории современной Канады. Франко-английские разногласия составили в начале XVIII в. главное звено в цепи противоречий европейских держав. В 1701 г. эти страны оказались во главе двух военно-политических группировок, начавших войну за испанское наследство. Ситуация в некоторой степени напоминала ту, которая существовала во времена Мора, когда Франция погрязла в длительных Итальянских войнах. Война за испанское наследство была неудачной для армий Людовика XIV, потерпевших ряд существенных поражений как на суше, так и на море. Утрехтский мир 1713—1714 гг. фактически означал конец французской гегемонии на европейском континенте и начало конца французских колониальных владений в Северной Америке.

Все эти события совпали по времени с работой Гедвиля над переводом «Утопии», и он не смог не откликнуться на них. Переводчик усилил выраженное в «Утопии» отрицательное отношение к войне. Если Мор пишет, что о мире «во всяком случае... надобно печься гораздо более, нежели о войне»⁸⁸, то Гедвиль заявляет: «Мир столь же полезен, сколь губительна война»⁸⁹.

⁸⁰ L'Utopie, p. 351.

⁸¹ Утопия, с. 190.

⁸² L'Utopie, p. 132.

⁸³ Ibid., p. 127.

⁸⁴ Geuedeville N. Le Censeur ou Moeurs de la Haye. La Haye, 1715, p. 105.

⁸⁵ L'Utopie, p. 136.

⁸⁶ Утопия, с. 150.

⁸⁷ L'Utopie, p. 64.

⁸⁸ Утопия, с. 132.

⁸⁹ L'Utopie, p. 31.

Перевод «Утопии» позволяет, хотя и косвенным образом, судить об отрицательном отношении Гедвиля к политике Людовика XIV. По оценке Вольтера, внешняя политика Людовика обошлась стране гибелью 3 млн. человек, что составляло пятую часть всего населения, а также огромным — в 2,6 млрд. фр. — государственным долгом при годовых доходах в 117 млн. фр.⁹⁰ Поэтому столь злободневно звучали слова Гитлодея: «Если бы я показал королю, что все эти попытки воевать, которые ради него совершены в смятение столько племен, истощают его казну, разоряют народ и, наконец, несмотря на все, по какой-нибудь случайности окажутся напрасны, если бы я предложил ему печься о его собственном королевстве, завещанном ему дедами, украшать его, сколько он может, добиваться его наивысшего расцвета, а также любить своих подданных и быть любимым ими, жить с ними одной жизнью, повелевать ими мягко, оставить в покое другие государства, раз то, которое выпало ему на долю, более чем достаточно велико, — ты полагаешь, мой Мор, как стали бы они слушать такую речь?»⁹¹

Казалось, все в этой тираде было продиктовано политикой правительства Людовика XIV, военные предприятия которого «ввергли в смятение столько племен», опустошили казну и разорили народ. У Гедвиля читаем: «Далее, если я замечу в Совете короля Франции, что все эти усилия войны, которая была вызвана им одним, бросают в смуту и волнение столько народов, вычерпывают финансы, что гибельно сказывается на подданных... даже если я возьму на себя смелость сказать ему: Сир, поскольку благосклонная фортуна, которая может не продлиться долго, дала вам мир, используйте счастливые обстоятельства — способствуйте процветанию королевства ваших предков, придайте ему все возможные украшения, сделайте более процветающими сословия. Любите ваших подданных так, чтобы они любили вас, живите с ними, управляйте ими гуманно и оставьте другие государства, потому что и то, которое вам досталось, достаточно велико, и управление даже им одним превосходит ваши силы»⁹².

Перевод не оставляет сомнения в том, что Гедвиль старался еще более приблизить этот фрагмент к «французской почве». Этой цели служат и дополнительное напоминание, что речь идет о совете у короля Франции, и такие термины, как «финансы» (термин, более привычный французскому читателю, чем «казна»), «сословия», «сир» (в обращении к королю). Представляет интерес и отсутствующее в подлиннике упоминание «благосклонной фортуны, которая может не продлиться долго». Возможно, это выражение — клише обычного тезиса о переменчивости фортуны. Но нельзя исключить и того, что Гедвиль решил использо-

вать его как намек на болезнь или даже смерть Людовика XIV, последовавшую вскоре после окончания войны за испанское наследство.

Продолжая описание совета, Гедвиль вкладывает в слова Гитлодея идею народного суверенитета, которая, как отмечалось выше, получила широкое распространение в философии XVII—XVIII вв. Формулу Мора «они выбирают короля для себя, а не для короля»⁹³, допускающую различные толкования⁹⁴, он заменяет формулой «народ выбирает правителя»⁹⁵, которая заставляет вспомнить соответствующие высказывания Дж. Локка, П. Жюрье.

Модернизации подвергаются и некоторые другие идеи «Утопии». Живший в эпоху, характеризующуюся большим, по сравнению с началом XVI в., развитием мануфактурного производства со всеми его тягостными последствиями для рабочих, Гедвиль дает более развернутое и эмоциональное изложение рассуждений Мора о занятиях ремесленным трудом. Термин «телесное рабство» — один из наиболее ярких в книге — заменен в переводе термином «l'exercice corporel», т. е. «физический труд». Однако такая замена не уменьшает критической оценки рабских условий труда в европейских странах. Мор сравнивает характер физического труда в Утопии и государствах реального мира в связи с характеристикой деятельности сифогрантов, наблюдавших, «чтобы никто не сидел в праздности. Но чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом — однако же не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно вычному скоту. Ибо это хуже участи рабов. Впрочем, такова жизнь ремесленников повсюду, за исключением утопийцев»⁹⁶. Гедвиль так передает этот фрагмент: «Действительно, нет более несчастной, более прискорбной, более удручающей судьбы, чем проводить все дни в постоянной работе, жить в положении жалкого раба, который оплачивает личной свободой и личным отдыхом короткое счастье дышать, сознавая себя при этом отверженным. Скажем из чувства сострадания: увы! такова тем не менее почти всюду судьба рабочих. Утопийцы не знают такой судьбы»⁹⁷.

Гедвиль не ограничивается констатацией того, что утопийский «магистрат никогда не принудит граждан добровольно или силой заняться чем-либо бесполезным»⁹⁸. Стремясь выделить эту особенность государства утопийцев, переводчик подчеркивает, что она важна не сама по себе, а в связи с общими принципами жизни в Утопии. Он взывает к читателю не оставить без внимания это, может быть, наиболее разительное отличие страны, созданной гением Мора, от государств Европы: «Вы должны

⁹⁰ *Voltaire. Siècle de Louis XIV.* — In: *Oeuvres complètes*. Kehl. 1785—1787. t. XXIV, p. 191—192.

⁹¹ Утопия, с. 152—153.

⁹² L'Utopie, p. 67.

⁹³ Утопия, с. 155.

⁹⁴ См., например: *Prévost A. Op. cit.*, p. 442, N 3.

⁹⁵ L'Utopie, p. 72.

⁹⁶ Утопия, с. 184.

⁹⁷ L'Utopie, p. 121.

⁹⁸ Ibid., p. 137.

знать замысел, основу и движущую силу утопийской республики». «Какова, по вашему мнению, основная цель, главный мотив этого правления, в высшей степени достойного восхищения и столь счастливо измышленного?» — спрашивает Гедвиль читателя и отвечает словами, почти буквально повторяющими подлинник: «Каждый гражданин тратит на физический труд по возможности наименьшее количество часов»⁹⁹.

Труд, который определяется действительными потребностями общества, и досуг, отводимый для ученых занятий, — эти два принципа Гедвиль склонен толковать как «высший смысл жизни утопийцев», хотя и замечает при этом, что сам по себе досуг крайне проблематичен¹⁰⁰.

В ряде случаев переводчик вводит в текст «Утопии» термины и понятия, отсутствующие у Т. Мора, вероятно полагая, что таким способом ему удастся сделать книгу более злободневной. В перевод включены понятия «общественная польза» (*bien public*)¹⁰¹, «личный интерес» (*l'intérêt personnel*)¹⁰², «член гражданского общества» (*membre de la Société Civile*)¹⁰³. У Т. Мора речь идет соответственно: о «возможности принести обществу весьма много добра»¹⁰⁴, благополучии «общества»¹⁰⁵ и «собственном» благополучии¹⁰⁶. Что касается понятия «член гражданского общества», то оно не имеет аналога в тексте оригинала. Гедвиль вводит его там, где речь идет о долге образованных людей участвовать в государственных делах: «Ведь вы не можете не знать, что, потрудившись что-нибудь сделать, вы преодолеете отвращение (к общественному служению. — *В. К.*), и как человек чести и достойный член гражданского общества вы должны рассматривать это внутреннее противоборство (которое должно приводить к победе общественных интересов. — *В. К.*) как вашу главную обязанность»¹⁰⁷.

В переводе появляются и излюбленные в литературе французского классицизма, а затем и Просвещения образы обитателей Парнаса и служителей Муз. Так Гедвиль именует представителей утопийского сословия ученых¹⁰⁸. Малопопулярный французским читателям термин «филарх», обозначающий должностное лицо, стоящее над каждым 30 сельскими семействами Утопии, он переводит термином «directeur»¹⁰⁹.

Анализ интерполяций и терминологических новшеств, вводимых Гедвилем, показывает, что, как правило, они вызваны не до-

сужим желанием переиначить подлинник, а несут на себе отпечаток событий, идей, умонастроений эпохи. Логично предположить, что такой же смысл могли иметь не только интерполяции, число которых в целом незначительно, но и некоторые лакуны.

В этой связи обращает на себя внимание перевод фрагмента о порочности законодательства в европейских государствах: «Авторитет законов, карающих мечом, не столь абсолютен, чтобы иметь силу по отношению к легким правонарушениям; ордонасы не должны быть столь жестоки, чтобы одна и та же мера могла быть применена ко всем проступкам. Поступают так, как будто одно и то же, убить человека или лишить его денег. Между тем если справедливость не является химерой, то между этими преступлениями не может быть сравнения. Бог запретил убийство, но мы легко совершаем его из-за небольшой суммы денег»¹¹⁰. В целом текст Мора передан довольно точно, хотя и не дословно. Опять-таки в расчете на французского читателя введено различие между законами и ордонасами. Но немаловажна и еще одна деталь. Гедвиль опускает имеющиеся у Мора ссылки на так называемые Манлиевы законы и «положения стойков, считавших, что все прегрешения...одинаковы»¹¹¹. Это тем более знаменательно, что в базельском издании 1518 г. и в ряде последующих изданий в этом месте на полях имела рубрика: «Манлиевы законы, как о них рассказывает Тит Ливий». Думается, что пропуск сделан переводчиком не случайно. Истинность положений «Утопии» казалась ему несомненной, а ссылки на античные примеры могли лишь ослабить злободневность текста «Утопии» в условиях Франции начала XVIII в.

Судебная практика того времени давала немало красноречивых иллюстраций тезисов Мора. Известный русский исследователь феодального права А. Ф. Кистяковский отмечал, что вплоть до Великой французской революции «судьи с такою же, или почти такою же, легкостью произносили смертные приговоры над крепостным, с какой легкостью сеньор купил его по своему личному усмотрению»¹¹². Представители третьего сословия могли подвергаться смертной казни «за большие преступления, малый проступок и даже ничтожную вину»¹¹³.

Таким образом, опуская ссылки на античность, Гедвиль приближал текст «Утопии» к современной французской реальности. Словами «Утопии» он высказывал собственную точку зрения на одну из острых проблем правосудия. Идея соразмерности наказания и преступления была выражена им на французском языке за шесть лет до появления «Персидских писем» Ш. Монтескье. Об-

⁹⁹ Ibid.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Ibid., p. 332.

¹⁰² Ibid.,

¹⁰³ Ibid., p. 61.

¹⁰⁴ Утопия, с. 149.

¹⁰⁵ Там же, с. 273.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Ср.: «Ничто не понуждает тебя к этому более, чем долг честного человека» (Там же, с. 149).

¹⁰⁸ L'Utopie, p. 130.

¹⁰⁹ Ibid., p. 104.

¹¹⁰ Ibid., p. 103.

¹¹¹ Утопия, с. 138.

¹¹² Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Киев, 1867, с. 127.

¹¹³ Там же, с. 148.

основывая принцип гуманности правосудия, Монтескье указывал: «Наказание должно быть пропорционально вине»; «соразмерять наказание с преступлением — закон, которого никакие судьи не могли обойти»¹¹⁴. Развивая эти положения в работе «О духе законов», Монтескье писал: «Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу: наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилем человека над человеком»¹¹⁵. Сопричастность этих мыслей с идеями Мора, изложенными Гедвилем, несомненна. Уместно заметить в этой связи, что Монтескье знал произведения Мора, а в его библиотеке имелся экземпляр «Утопии» в гедвильевском переводе¹¹⁶.

Анализ перевода показывает, что он выполнен человеком, заинтересованным в распространении «Утопии». О его собственном отношении к идее наилучшего устройства государства, основанного на устранении частной собственности, говорят многие отмеченные выше факты. Особенно отчетливо восприятие Гедвиля государственного идеала Мора проявляется в заключительной части перевода.

«Я не могу не признать, — читаем мы у Гедвиля, — что некоторые законы утопийской республики, как политические, так и моральные, достойны всяческого восхищения». Уже в этих словах — определенное отличие от переводимого текста, в котором ничего не говорится о восхищении законами утопийцев¹¹⁷. Гедвиль разделяет сомнение Мора относительно осуществимости утопийского государства, еще раз подчеркивая при этом заложенный в нем здравый смысл: «Это то, чего я желаю в глубине души как здравомыслящий человек; и это то, чего я совсем не ожидаю. Прощай, читатель; я сказал»¹¹⁸. Но между двумя процитированными фразами перевода есть еще одна, отсутствующая в латинском тексте. Ее условно можно назвать «молитвой» переводчика: «Небо, сделай так, чтобы этот наш мир, ослепленный и испорченный, которому мало знакомы и чужды разум, истина, справедливость, сделай так, чтобы мир мог утопизироваться (utopiser)»¹¹⁹.

¹¹⁴ Монтескье III Персидские письма. М., 1956, с. 223.

¹¹⁵ Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955, с. 318. Заметим, что вопросом о «справедливости» законов интересовались Вольтер, Бриссо, энциклопедисты, создатели коммунистических теорий и проектов, а также Марат и другие деятели революции. См.: Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. Харьков, 1905; Державин К. Н. Вольтер. М., 1946; Герцензон А. А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962.

¹¹⁶ Gury J. Th. More et l'Utopie vus par les sujets de Louis XV. — Moreana, N 62, juin 1979, p. 51—61.

¹¹⁷ См.: Утопия, с. 279.

¹¹⁸ L'Utopie, p. 348. Ср.: «Я охотно признаю, что в государстве утопийцев есть очень много такого, что нашим странам я скорее бы мог пожелать, нежели надеюсь, что это произойдет» (Утопия, с. 279—280).

¹¹⁹ L'Utopie, p. 348.

Несомненно, этими словами, изобретенным им глаголом «утопизироваться» Гедвиль высказал собственное отношение к книге Мора и свой взгляд на ту роль, которую призваны сыграть ее идеи в переустройстве существующего миропорядка.

По мнению Ж. Гюри, Утопия представлялась Гедвилю далеким, постоянно исчезающим миражом¹²⁰. Следует только добавить, что это ощущение миража, на наш взгляд, происходило не из неверия в осуществимость такого государства, как Утопия, а из сомнения в том, что у людей хватит сил следовать доводам разума, чтобы создать подобное общество. Хотя в изданиях 1715 и 1717 гг. Гедвиль дал название своему переводу «Утопия Томаса Мора...», далее в нем же он подчеркнул, что Утопия — это «республика, которая неминуемо должна стать реальной», но лишь «после того, как смертные будут руководствоваться разумом». По его мнению, труд Мора заслуживает не меньше похвал из-за того, что в мире исчез здравый смысл, в возрождение которого он сам не очень-то верит¹²¹.

Как уже отмечалось, перевод Гедвиля не был адекватной передачей текста Мора. Впрочем, почти любой перевод философского или политического текста есть в некотором роде интерпретация его «глубинного» смысла. Вольных или невольных попыток утвердить собственную трактовку так называемых «темных мест» оригинала не могут избежать и современные переводчики, независимо от того, какие задачи — чисто литературные или научные — они перед собой ставят¹²². Еще в большей степени это относится к переводчикам XVII—XVIII вв., сознательно стремившимся адаптировать переводимое произведение к современным социально-политическим, философским и нравственным категориям.

Необходимо отдать должное Гедвилю: переводя «Утопию», он не позволил себе ни сколько-нибудь обширных интерполяций, ни откровенного перекраивания текста. В то же время Гедвиль чтидал «Утопии» ряд новых смысловых и эмоциональных оттен-

¹²⁰ Gury J. Thomas More traduit par Thomas Rousseau ou une Utopie pour le Club des Jacobins. — Moreana, 1976, fév., N 49, p. 79. Этому же мнению придерживался М. Домманже. Он писал: Гедвиль «не верил в победу коммунизма. „Утопия“ была для него „абстрактной картиной“. Все же он признавал, что проект Т. Мора открывал путь к улучшению „условий человеческого существования“». См.: Домманже М. Указ. соч., с. 133.

¹²¹ L'Utopie. Epître dedicatoire. Заметим, что в третьем издании перевода Гедвиля, вышедшем уже после смерти переводчика, в 1730 г., издатели сочли возможным несколько изменить название книги, оттеснив слово «утопия» на второй план: «Идея счастливой республики, или Утопия Томаса Мора». См.: Gibson R. W. St. Thomas More: A Preliminary Bibliography of His Works and of Moreana to the Year 1750. New Haven; L., 1961.

¹²² Ср., например, новейшие переводы «Утопии» на французский и английский языки, из которых первый, выполненный А. Прево (La meilleure forme de communauté politique et la nouvelle Ile d'Utopie... — In: Prévo A. Op. cit.), является сугубо научным, а второй — перевод П. Терпера (Utopia. L., 1965; 2-е изд. — 1977) — носит популярный характер и рассчитан на широкие круги читателей.

ков, благодаря которым она, по мнению А. Прево, приобрела неспровергающий тон¹²³. Появившись в год, которым отмечены конец долгого царствования Людовика XIV и начало регентства Филиппа Орлеанского, гедвилевский перевод заставлял читателя взглянуть критическим взором не только на нравы и политику королевского двора, но и на общественные и нравственные устои всего французского общества.

В целом анализ гедвилевского перевода «Утопии» Томаса Мора позволяет установить одну из линий генезиса идей французских мыслителей XVIII в.— от просветителей до создателей коммунистических теорий, от первых критиков феодально-абсолютистского строя до деятелей Великой французской революции. Такой анализ позволяет также наметить связь этих идей с исторической действительностью века и с передовыми политическими теориями прошлого, включая гуманистические утопии эпохи Возрождения.

¹²³ *Prévost A.* Op. cit., p. 226.